

Цветочные мотивы и опыты ботанизирования в творчестве А. Блока

Н. Э. МАРЦИНКЕВИЧ

В статье представлен ряд флоральных мотивов, среди которых есть цветочные и растительные образы, отразившие реальный опыт ботанизирования самого Блока. Большой частью ботанизирования Блока было следствием его воспитания в семье деда-ботаника и связано с родовым именем Шахматово и шахматовским садом. В творчестве Блока нашла выражение важная для символизма модель «сад – текст». Как правило, сад и другие цветочно-растительные мотивы у Блока связаны с женским началом, полигенетичны и имеют как позитивное, так и негативное значение. Более подробно в статье рассмотрены два блоковских стихотворения мадригального типа, написанные по случаю послания цветов возлюбленной, – «При посылке роз» и «При посылке белой азалии».

Ключевые слова: антропоморфизм, ботанизирование, мадригал, символизм, текст, флоральные мотивы

The article presents a series of floral motifs which include flower and plant images, reflecting the actual experience of botanization by Blok himself. Mostly Blok's botanization was the result of his upbringing in the family of a grandfather-botanist and related to the family estate Shakhmatovo and its garden. The important model in symbolism "garden – text" has found expression in Blok's writing. As a rule, the garden and other floral and plant motifs in Blok's works are associated with feminine and polygenetic and have both positive and negative significance. His two poems "Sending roses" and "Sending a white azalea" are considered in details in the article. These are madrigal poems that were written after sending flowers to his beloved.

Keywords: anthropomorphism, botanization, madrigal, symbolism, text, floral motifs.

На рубеже XIX–XX вв. в России, как и во всей Европе, наблюдался взлет интереса к садо- и цветоводству. Женский костюм рубежа XIX–XX вв. отличался обилием и разнообразием цветочного декора – в то время культивировался образ женщины-цветка. Мужской костюм, начиная с XIX в., постепенно теряет свою декоративность, из сохранившихся до сих пор цветочных аксессуаров можно назвать, пожалуй, только цветок в петлице – бутоньерку, которую носят с парадным костюмом (фраком) и только в определенных этикетом случаях. На рубеже XIX–XX вв. бутоньерка стала характерной деталью повседневного наряда денди. Блок, по его собственному признанию, в юные годы был «франтом» [1, т. 7, с. 339]. А. А. Кублицкая-Пиоттук описывает Блока летом 1897 г. в Бад-Наугейме во время его романа с К. М. Садовской: «С розой в петлице, тщательно одетый, он отправляется, помахивая тросточкой, за ней, берет на руку ее плед или накидку <...>» [2, с. 438]; С. Соловьев упоминает о розе в петлице изящного костюма и тросточке Блока летом 1898 г. [3, с. 112]. Впоследствии его облик стал более сдержанным, без излишнего щегольства. Зрелый Блок высмеивает праздных франтов, спутника Фаины в «Песне судьбы» он делает печальным уставшим денди, а в послереволюционное время рассматривает дендизм и свойственный дендизму эстетизм как явление, губительное для «нового» мира (статья «Русские дэнди», 1918). В цикле «Страшный мир» бутоньерка – деталь туалета героев «страшного мира»: двойника-вампира: «Выходит юноша. Затянут стан; // Увядшей розы цвет в петлице фрака / Бледнее уст на лице мертвеца; /...» и «развратника»: «Плащ распахнут, грудь бела, / Алый цвет в петлице фрака» [1, т.3, с. 16, 38]. Поблеклый красный и контрастно-алый – это цвета смерти и греха. В творчестве Блока есть пример, где бутоньерка помещена в свой исконный праздничный контекст: «Смотри: у каждого солдата / На штык надет букет цветов! / У батальонных командиров – / Цветы на седлах, чепраках, / В петлицах выцветших мундиров, / На конских челках и в рукавах...» [1, т.3, с. 308].

В архитектуре, декоративно-прикладном и изобразительном искусстве модерна, включая книжную и журнальную графику, господствовал растительный стиль. Цветочно-растительный декор был очень разнообразным, и его можно было встретить везде – от мел-

ких бытовых вещей до фасадов зданий. Растения и цветы украшали книжные и журнальные обложки, использовались в виньетках, заставках и концовках к текстам («Мир искусства», «Золотое руно», «Весы»), фигурировали в названиях журналов, альманахов и издательств («Северные цветы», «Цветник Ор», «Шиповник», «Зёрна»), художественных объединений и выставок («Алая роза», «Голубая роза», «Венок – Стефанос»), стихотворных сборников (К. Бальмонт «Только любовь. Семицветник», 1903; «Зеленый вертоград», 1909; В. Брюсов «Стефанос. Венок», 1906; С. Соловьев «Цветы и Ладан», 1907; Н. Гумилев «Романтические цветы», 1908; И. Анненский «Кипарисовый ларец», 1910; Ю. Балтрушайтис «Лилия и серп», 1912 и др.) и множества стихотворений того времени.

Признания об увлечении ботаникой и опытах ботанизации есть у разных писателей рубежа XIX–XX вв. и начала XX в. – это К. Случевский, А. Чехов, Б. Пастернак. Вл. Соловьев любит белые колокольчики в имении друзей Пустынька и посвящает этим цветам стихотворения «Белые колокольчики» (1899) и «Вновь белые колокольчики» (1900; написано перед смертью). Цветочные реминисценции из стихотворений Соловьева встречаются в творчестве Блока и Белого и их переписке. В «Воспоминаниях о Блоке» Белый надеется эти цветы мистическим смыслом и помещает их в апокалипсический контекст: «Эти белые колокольчики <...> являлись нам символом *белых*, мистических устремлений к грядущему» [4, с. 36]. Для Блока, выросшего в семье деда-ботаника, ботанизация была главным образом частью его детства, проведенного в усадьбе Шахматова. В заполненной в 16 лет анкете «Признания» (1897) на вопрос «Место, где я хотел бы жить» Блок отвечает: «Шахматово» [1, т. 7, с. 429]. В Шахматове написан ряд стихотворений циклов «Ante lucem», «Стихи о Прекрасной Даме» и «Распутья», циклы «Пузыри земли», «На поле Куликовом» и мн. др. Шахматово и его окрестности детально описаны в поэме «Возмездие» (напр., в наброске продолжения второй главы: «.../ И дверь звенящая балкона / Открылась в липы и в сирень, / И в синий купол небосклона, / И в лень окрестных деревень» [1, т. 3, с. 468]), в «Исповеди язычника» (1918), имение также неоднократно упоминается в дневниках, записных книжках и переписке Блока, сохранились сделанные Блоком рисунки Шахматова.

М. А. Бекетова описывает садоводческий опыт Блока и его жены летом 1904 г.: «В то же лето занялись они устройством своего сада. Прежде всего соорудили дерновый диван. <...> Блоки очень его любили и называли “канапэ” в память стихотворения Болотова “К дерновой канапэ”. С боков, по сторонам, его посадили они два молодых вяза, привезенных из Боблова. Деревья эти разрослись очень пышно; через несколько лет они сошлись ветвями и осенили канапэ. Между крыльцом флигеля и диваном, на небольшой солнечной лужайке, были посажены кусты роз – белых, розовых и красных. Желтые лилии, лиловые ирисы, розовые мальвы, все принялось отлично. В тот же год вдоль забора, со стороны полей и дороги, вырыта была глубокая канава, приготовленная для посадки деревьев. И на следующий год вдоль всего забора насадили молодых елок, лип, берез, рябин, дубков. Все это принялось как нельзя лучше и через несколько лет густо заслонило сад и жилье. Все это устроили Ал. Ал. и Л. Дм. вдвоем своими руками, без посторонней помощи» [5, с. 66-67]. Это свидетельство интересно описанием ассортимента растений в шахматовском саду и упоминанием имени А.Т. Болотова – писателя и ученого XVIII в., одного из первых в России теоретиков садоводства, много сделавшего для развития русской усадебной культуры. Летом и осенью 1904 г. Блок работал над кандидатской университетской работой на тему «Болотов и Новиков» и поэтому внимательно изучал «Записки» Болотова. Блок планировал написать о Болотове небольшую статью, о чем сообщал в письме Брюсову [1, т. 8, с. 89]. В этом письме Блок характеризует Болотова как «человека, писавшего стихи “К дерновой канапэ” и “К весне во время первейших зимою талей”» [1, т. 8, с. 89]. Действительно, ботанизация была одним из любимых занятий Болотова. В XVIII в., в эпоху сентиментализма и раннего романтизма, европейское дворянство увлекалось ботанизацией, во многом под влиянием Руссо и Гете, которые занимались ботаникой, не имея естественнонаучного образования [6]. Блок выписывает из «Записок» признания Болотова о том, что после чтения книг немецкого эстетика И. Г. Зюльцера о красоте природы у него глаза «власно как растворились» и появилось желание узнать «все устройство света» [7, с. 61, 65]. В натурфилософских стихотворениях Болотова созерца-

ние природы служит средством познания мира и через природу и мир – Бога. В XVIII в. была актуализирована модель «сад – текст» – отражение сада в тексте и текста в саду. Эта модель реализована в стихотворении Болотова «К дерновой канаве» («К дерновой лавке»), которое написано в жанре садовой надписи и предназначалось для чтения в саду.

Модель «сад – текст» нашла свое отражение в символизме. Книгу символисты воспринимали как синтез культурного и природного образований, в результате получили распространение такие метафоры, как «книга – растение», «сад – книга», «листья, лепестки растения – листы книги». Модель «сад – текст» нашла прямое отражение в жизни и творчестве Блока. В жизни это декламация шекспировских монологов на лужайках шахматовского сада и театральные представления сначала в шахматовском, а затем и бобловском саду [1, т. 7, с. 339-340; 3, с. 112]; уединенные прогулки по аллеям парка Боблова с будущей невестой и беседы с ней о театре и литературе [8, с. 14, 33-34]; позже – одежда в фольклорном стиле во время летней жизни в Шахматове, на эту деталь в мемуарах обращает внимание Белый и благодаря ей видит Блок сказочным Иваном царевичем [5, с. 86]. Отражением текста в саду также можно считать вышеприведенный пример с дерновой скамейкой-«канавой» в шахматовском саду. В свою очередь, образ сада можно обнаружить в стихотворениях Блока, в пьесах «Песня Судьбы» и «Роза и Крест», поэмах «Соловьиный сад» и «Возмездие». Шахматово и его окрестности воспринимаются Блоком как «место свершений» [1, т. 7, с. 347], воплощение Софии, преображенная земля, рай, который затем был утрачен (мотив «утраченного рая»), напр.: «Я насадил мой светлый рай / И оградил высоким тыном, / И в синий воздух, в дивный край / Приходит мать за милым сыном. /.../ Все тихо. Знает ли она, / Что сердце зреет за оградой? / Что прежней радости не надо / Вкусившим райского вина?» [1, т. 2, с. 261]; «И старики, не прозревая / Грядущих бедствий / За грош купили угол рая / Неподалеку от Москвы» [1, т. 3, с. 466]. Природа (сад, цветущий луг) и город у Блока чаще всего противопоставляются, и это противопоставление выглядит как «рай – «страшный мир», ад»: «Мы встретились с тобою в храме / И жили в радостном саду, / Но вот зловонными дворами / Пошли к проклятью и труду» [1, т. 2, с. 191]. Однако сад в творчестве Блока имеет не только лишь позитивное значение «райского сада», но и значение позитивно-негативное. Например, в статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» создается образ прекрасного, но уже мертвого романтического сада; в поэме «Соловьиный сад» – роскошного, но опасного греховного сада. Образ сада у Блока связан с женским началом – матерью или возлюбленной (восприятие «ее» сквозь призму цветущего сада: «Фруктовый сад. Розовая девушка, лепестки яблони <...>» [1, т. 3, с. 471]), причем возлюбленная может быть и искусительницей, и в этом случае сад уподобляется аду («Попробуй кто, приди в мой сад, / Взгляни в мой черный, узкий взгляд, / Сгоришь в моем саду!» [1, т. 2, с. 284]).

Своим собственным опытом усадебного садоводства Блок наделяет Елену и Германа в пьесе «Песня судьбы»: Елена – Герману: «Помнишь, ты сам сажал лилию прошлой весной? Мы носили навоз и землю и совсем испачкались. Потом ты зарыл толстую луковицу в самую черную землю и уложил вокруг дерн. Веселые, сильные, счастливые...» [1, т. 4, с. 113]. В мае 1906 г. Блок делает в записной книжке набросок под названием «Майские идеи» «о том, как животные – букашки, муравьи, насекомые становятся умелыми не меньше людей, – и как это страшно. Вглядись в траву. /.../ О том, как мы сажали розы, лилии, ирисы; делали дренажи, возили землю, стригли газон. Утомившись, ложились на спину в траву. Небо было глубокое, синее, и вдруг вздувалось на нем белое облако. И я сказал: что нам сажать розы на земле, не лучше ли на небе. Но было одно затруднение: земля низко, а небо – высоко. И пришлось учиться магии – небесное садоводство. Зеленая скука. А город – серая скука. В первом круге Дантова ада нет боли, а только тоска <...>» [9, с. 75]. В этом наброске насекомое представляется как умелое антропоморфное существо (инверсия устойчивого сравнения «как трудолюбивый муравей», но в данном случае с субъективной негативной оценкой). Основанием для отождествления насекомых и людей стало бесконечное цикличное повторение ими одних и тех же, давно знакомых действий, что формирует у них умелость и одновременно вызывает скуку, которая противоположна радости и веселью. Скука – один из главных признаков ада (в аду – это вечная мучительная «не-смерть»), а в поэтической системе Блока – городского

«страшного мира», т. е. ада на земле. Природный цикл, цикл городской жизни и круги ада оказываются подобными – тоскливо однообразными и повторяющимися до бесконечности. В наброске «Майские идеи» выход из замкнутого круга природного существования видится в магическом «небесном садоводстве». Трудно сказать с абсолютной уверенностью, что именно имел в виду Блок под «небесным садоводством». Очевидно, что в этом понятии совмещаются небесное и растительное начала – на основе подобного совмещения ноуменального и феноменального миров строились символистские образы «цветов-звезд» и «небесных роз». Образ «небесных роз» также встречается у Блока в апокалипсическом контексте: «Наш мир, раскинув хвост павлиний, / Как ты, исполнен буйством грез: / Через Симплон, моря, пустыни, / Сквозь алый вихрь небесных роз, / Сквозь ночь, сквозь мглу – стремят отныне / Полёт – стада стальных стрекоз!» [1, т. 3, с. 135].

В поэтике Блока система флоральных мотивов закреплена за женственным «Ты». Как правило, у Блока цветочные мотивы, которые в мировой поэзии традиционно соотносятся с образом возлюбленной, полигенетичны. Например, в стихотворении «При посылке роз» (название в рукописи – «Розы»), написанном 24 декабря 1901 г., встречается образ «лукавого бога», заимствованный Блоком из поэзии Петрарки: «Смотрел от века бог лукавый, / На эти душистые цветы. / Их вековечную отравой / Дыши и упивайся ты. // С их страстной, с их истомной ленью / В молодые сумерки твои / И пламенной и льстивой тенью / Войдут мечтания мои. // Неотвратимы и могучи, / И без свиданий, и без встреч, / Они тебя из душевной тучи / Живою молнией будут жечь» [1, т. 1, с. 353-354]. Этому стихотворению в автокомментарии 1918 г. соответствует замечание: «"отрава" (непосланных цветов)» [1, т. 7, с. 345]. Стихотворение относится к мадригальному типу и построено на основе устойчивой куртуазной и романтической образности, тогда как дата его написания указывает на Рождественский сочельник. В результате светский ритуал послания возлюбленной цветов и мадригала совмещается с религиозным праздником Рождества, и к тексту, написанному на определенный случай, присоединяется символика розы как цветка Девы Марии.

Тот же прием совмещения светского и религиозного начал Блок использует в более позднем стихотворении «Вот они – белые звуки...» с подзаголовком «При посылке белой азалии», посвящением Л. Д. Менделеевой и датировкой «5 апреля 1903. Пасха». В данном случае показателен выбор цветов для пасхального поздравления. Когда-то азалия была привезена в Европу с Востока (из Китая или Японии), где это по преимуществу горное растение семейства вересковых считается ядовитым, обладающим одурманивающим эффектом и применяется как снотворное средство. О наркотическом свойстве азалии упоминается в «Анабасисе» Ксенофонта: греческие воины в горах Колхиды, поев меда (с цветов азалии), теряли сознание и походили на пьяных, помешанных и даже умирающих, но никто из них не умер, и на третий или четвертый день они встали, слово выздоровевшие после отравления («Анабасис», кн. IV, гл. VIII). Блок был знаком с «Анабасисом» Ксенофонта по гимназической программе. История, рассказанная Ксенофонтом, вполне может быть соотнесена с пасхальным сюжетом (смертью / сном, подобным смерти, и воскресением / пробуждением ото сна). В китайской и японской поэзии и живописи азалия – одно из любимых цветущих растений, это «женский» цветок, символ женской красоты, грации и нежности и вместе с тем одурманивающей прелести и ядовитого коварства женщины. Другие названия азалии – рододендрон (с греч. «розовое дерево») и альпийская роза указывают на то, что азалия сближается с розой, но розой без шипов. В Европе азалия считается пасхальным цветком, потому что первоначально время ее цветения в оранжереях было приурочено к Пасхе. В России этот цветок появился в первой половине XIX в. В Петербурге азалия изначально выращивалась в оранжереях Императорского Ботанического сада, а затем перешла на петербургские подоконники, где хорошо цвела зимой. В начале XX в. в России азалия была одним из самых любимых комнатных растений (напр., у Пастернака в стихотворении «Сегодня мы исполним грусть его...» (1911): «Таков был сумрак. Таково / Окно с мечтой смятенною азалий»). Наверное, самое известное поэтическое воплощение этого цветка, но под другим его именем – это шутивное стихотворение Фета «Рододендрон» (1856): «Рододендрон! Рододендрон! / Пышный цвет оранжереи, / Как хорош и как наряден / Ты в руках вертлявой феи! / Рододендрон! Ро-

додендрон! /.../ Но в руках вертлявой феи / Хороши не только розы, /...». Строка «Рододендрон! Рододендрон!» стала скандально-знаменитой из-за труднопроизносимого названия цветка. В Брюсов в стихотворении «В будущем» (1895) соотносит запах азалии с музыкой: «Я лежал в аромате азалий, / Я дремал в музыкальной тиши, / И скользнуло дыханье печали, / Дуновенье прекрасной души. // Где-то там, на какой-то планете, / Без надежды томилась ты, / И ко мне через много столетий / Долетели больные мечты. // Уловил я созвучные звуки, / Мне родные томленья постиг, / И меж гранями вечной разлуки / Мы душою слилися на миг». Живописные «портреты» азалии есть у Врубеля (два этюда «Белая азалия» и один – «Красная азалия», написанные в 1886–1887 гг.). Стихотворения Фета и Брюсова и этюды Врубеля были известны Блоку и могли повлиять как на его поэтическую образность, так и на сам выбор цветка для пасхального поздравления. К параллели «цветы – звуки» Блок еще раз обратится в поэме «Возмездие»: «Срываю звуки, как цветы, / Безумно, дерзостно и смело, /...» [1, т. 3, с. 324].

Итак, в стихотворении Блока «Вот они – белые звуки...» реализована связь азалии с эфемерностью, сном и забвением, но акцент сделан на пробуждении – воскресении, расцвете и рассвете, что соответствует значению христианской Пасхи: «Вот они – белые звуки / Девственно-горных селений... / Девушки бледные руки, / Белые сказки забвений... /.../ Песню цветы разбудили – / Песню о белом расцвете...» [1, т.1, с. 529]. В результате у Блока азалия сохраняет символизм, присущий белым цветам (непорочность, чистота), и не вступает в противоречие с христианским религиозным контекстом. С. Соловьев называет стихотворение «Вот они – белые звуки...» вариантом письма, в котором Блок сообщал о своем решении жениться на Любви Дмитриевне Менделеевой [3, с. 114]. Сам Блок придавал этому стихотворению большое значение. По замыслу Блока, именно этим стихотворением должна была завершаться подборка из пятнадцати его стихотворений в альманахе «Гриф» (1904). Стихотворение выразило просветление, наступившее после тяжелых переживаний личного ужаса и предчувствий катастрофы.

Литература

1. Блок, А. А. Собр. соч: В 8 т. / А. А. Блок. – М.; Л.: Худож. лит., 1960–1963.
2. Письмо А. А. Кублицкой-Пиотух к Е. Г. Бекетовой и А. Н. Бекетову, 22 июня 1897 // Блоковский сборник II: Труды Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока / Отв. ред. З.Г. Минц. – Тарту: ТГУ, 1972. – С. 438–439.
3. Соловьев, С. М. Воспоминания об Александре Блоке / С.М. Соловьев // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 1. – С.110–127.
4. Белый, А. Воспоминания о Блоке // Собр. соч. Воспоминания о Блоке / А. Белый. – М.: Республика, 1995. – С. 25–430.
5. Бекетова, М. А. Воспоминания об Александре Блоке / М. А. Бекетова; сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского. – М.: Правда, 1990. – 672 с.
6. Фельдман, Л. Г. Гете-натуралист и развитие естествознания в России / Л. Г. Фельдман // Гете в русской культуре XX века. – М.: Наука, 2001. – С. 253–276.
7. Владимирова, И. В., Григорьев, М. Г., Кумпан, К. А. А. Блок и русская культура XVIII века / И. В. Владимирова, М. Г. Григорьев, К. А. Кумпан // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV / Отв. ред. З.Г. Минц. – Тарту: ТГУ, 1981. – (Учен. зап. ТГУ, вып. 535). – С. 27–115.
8. Блок, Л. Д. И быль и небылицы о Блоке и себе / Л. Д. Блок. – Бремен, 1979. – 104 с.
9. Блок, А. А. Записные книжки. 1901 – 1920. / А. А. Блок. – М.: Худож. лит., 1965. – 663 с.